

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 141.31

А.Б. Абилкалова

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ СЕВЕРИНА БОЭЦИЯ

Доказывается, что «стиль сокращений» получил свое название от применяемых в нем конструкций синтаксического сжатия. Рассматривается использование эллипсиса, а именно: пропуск глагола-связки. Пропуск связки высвобождает глагол бытия, который начинает функционировать как автоним; поэтому, в условиях отсутствия гетерограмматических символов или иных способов маркирования автонимов в письменной речи, становится возможным рассматривать «стиль сокращений» как автонимичный способ выражения.

Ключевые слова: С. Боэций; теологические трактаты; стиль сокращений; синтаксическое сжатие; пропуск глагола-связки.

Исследователи трудов Северина Боэция давно обратили внимание на различие его стилей: этому способствовало то, что стилистические характеристики работы даются самим автором в предисловии. Е.К. Rand различает эзотерический, или технический, стиль, ориентированный на узкий круг специалистов, и экзотерический, или популярный, обращенный к широкому кругу. Schurr рассматривает «Книгу о Троице» как «классический пример первого стиля». Современный исследователь и переводчик трудов Боэция А. Tisserand [1] утверждает, что такое разделение требует серьезнейших оговорок. Боэций, который не основал своей школы и не стремился к этому, был далек от подобного разграничения. Часть работ ориентируется для начинающих (*ingrediens*), которые, при этом, уже не совсем новички в философии и приобрели элементарные познания. Специалисты для Боэция не являются простыми техниками и должны обнаруживать как интеллектуальные, так и моральные запросы, которые не обязательно совпадают в философии и в теологии. Следовательно, ни технический стиль не может редуцироваться до эзотерического, ни наоборот. Средний стиль (*stylus mediocris*), который игнорирует Rand, не отказывается от технического стиля: напротив, с его помощью становится доступным и ясным [1. С. 57].

С учетом этих различий Tisserand составляет таблицу, в которой группирует произведения Боэция по их стилистическим характеристикам. Так, например, первый комментарий к «Исагогу» Порфирия считается вводным; «Комментарий к “Категориям” Аристотеля», «*De institutione arithmetica*», «*De institutione musica*» представляют собой образцы среднего стиля; «*In Ciceronis Topica*», «*De Hypotheticis syllogismis*» предназначены для искушенных читателей, а «Утешение Философией» представляет свой собственный жанр философского завешания в прозе и стихах [1. С. 59].

Теологические трактаты «О Троице» и «Гебдомеды» относятся, согласно таблице, к «темному стилю» (*stylus obscurus*), хотя сам Боэций говорит, что использует «стиль сокращений» (*stylum brevitatis*):

*Сжимаю стилем сокращений и скрываю значения новых слов, взятых из сокровенного учения философии, для того, чтобы они сообщались только мне и вам, если когда-нибудь вы обратите к ним взор; прочие же отбрасываются вот как: будучи не в состоянии понять – окажутся недостойными их читать*¹.

То, что здесь постулируется, резко контрастирует со стилистическими характеристиками философских комментариев, в которых заявляется о сугубо пропедевтических целях. Например, «Комментарий к “Категориям” Аристотеля» Боэций начинает так: «Закончив с тем, что изложено в учении Порфирия относительно предикаментов Аристотеля, я продолжил ряд [сочинений], написанных простым и доступным языком, составив и эти комментарии на ту же тему. Я не примешивал ничего из сферы более глубоких вопросов, но ради соблюдения соразмерности в освещении стремился к тому, чтобы не стеснить читателя краткостью [изложения] и не смутить его большим объемом» [3. С. 120].

В теологическом стиле Боэций намеренно ищет темноты, говорит Tisserand, заставляя технику служить эзотерике [1. С. 58]. Однако нельзя не отметить тот факт, что, с технической точки зрения «О Троице» относится, скорее, к среднему стилю. Если же допустить, что трактат имеет несколько различных смысловых слоев и предполагает несколько вариантов прочтения, в зависимости цели и образа мысли читателя, – значит, Боэций намеренно пытается создать двусмысленность. Кстати, Боэций – один из первых разработчиков понятия многозначности. Он вводит термин «эквивокация» и распространяет его не только на имена, но и на союзы, предлоги, глаголы. Нам важно то, какие средства Боэций использует для создания двусмысленности. Мы выдвигаем следующую гипотезу: «стиль сокращений» получил свое название от применяемых в нем конструкций синтаксического сжатия. Синтаксическое сжатие восходит к общелингвистическому явлению языковой компрессии, которая на синтаксическом уровне, «в построении высказывания приводит к появлению многозначности, переосмыслению значения слов и синтаксических категорий» [4. С. 239]. В данной статье рассматривается эллипсис – пропуск подразумеваемой языковой единицы, в качестве которой выступает связка «*est*». Пропуск связки высвобождает наиболее значимый элемент – глагол бытия, который начинает функционировать как автоним. Поэтому в условиях отсутствия гетерограмматических символов или иных способов маркирования автонимов в письменной речи становится возможным рассматривать «стиль сокращений» как автонимичный способ выражения.

Такое допущение влечет за собой параллельное прочтение, которое может повредить репутации като-

лического философа. Однако обвинение в ереси его теологическим сочинениям не грозит – они не преследуют религиозных целей. Хотя трактат «*Quomodo trinitas unus deus ac non tres dii*» считается попыткой рационального объяснения положения о единстве Троицы, Боэций исследует не догму, а собственный теологический конструкт. Так, Афанасьевский символ веры гласит: Бог – Отец, Бог – Сын, Бог – Дух святой; и все же не три бога, но один есть Бог. Боэций же меняет термины местами:

*Отец – Бог, Сын – Бог, Дух Святой – Бог; следовательно, Отец, Сын и Святой Дух – один Бог, а не три Бога*².

Догмат превращается в силлогизм: если в догмате смысл связи логически невыразим, то эллиптическая конструкция подразумевает связку, сокращенную и во второй части. Эта конструкция и становится объектом анализа. По формальным признакам она относится к предложениям тождества. Боэций рассматривает типы подобных высказываний:

*«То же» сказывается тремя способами: либо по роду, так как «человек» – то же, что «конь», потому что у них один и тот же род – «животное»; либо по виду, так как «Катон» – то же, что «Цицерон», потому что у них один и тот же вид – «человек»; либо по числу, как «Туллий» и «Цицерон», потому что единичность есть число*³.

Это прямая отсылка к шестой главе пятой книги «Метафизики», где Аристотель разбирает значения термина «единое»: «одни вещи едины по числу, другие – по виду, иные – по роду...» [5. С. 154]. В этом контексте «единое» употребляется в значении тождества. При анализе высказывания о Троице Боэций заменяет «единый», *unus*, на «один и тот же», *idem*. Эта замена требуется для перехода к универсальному анализу, согласно которому значение предложения в целом зависит от типов (предикабилей) составляющих его терминов; выделяется связка, которую Боэций рассматривает как полноправный член высказывания, и которая, обозначая тождество, несет значение всего предложения, и, соответственно, ее значение также изменяется в зависимости от типов субъекта и предиката. Предложение в целом выражает некую экстенциональную ситуацию: каждое из рассматриваемых высказываний обозначает реальное положение вещей – «то, что есть» (*id quod est*), а не пустой образ воображения – «то, что не есть» (*id quod non est*), но смысл «есть» в каждом типе высказываний различен. «Есть», сохраняющее в роли связки лексическое значение бытия, выражает различные способы бытия объектов в уме: то, что есть, постигается только так, как есть – «как само есть»:

Итак, давайте приступим к изложению и рассмотрим каждое так, как оно может быть схвачено и постигнуто интеллектуально: ибо (как лучше всего было сказано) у образованного человека каждое получает от него чувство веры так, как само есть. А именно, посредством трех частей спекулятивного <знания>...⁴.

Каждый тип высказывания Боэций соотносит с одной из областей спекулятивного знания – естественной, математической и теологической. Естественная часть, неабст-

рагированная, рассматривает формы тел вместе с материей, для которых утверждается тождество по виду. Математика, неабстрагированная, поскольку наблюдает формы, существующие в материи, которые не могут быть отделены от нее. В «Комментарии к Порфирию» математические объекты, такие как линия, поверхность, число, относятся к бестелесным формам, которые, тем не менее, «помимо тел существовать не могут» [6. С. 24].

Положение о Троице единоформно утверждению тождества по роду, поскольку только *theologica* в этом делении полностью абстрагируется и даже отделяется от тел.

Объекты спекулятивного знания отличаются друг от друга способом рассмотрения:

*Естественные следует рассматривать рационально, математические – дисциплинарно, божественные – интеллектуально, – и не выводить из воображения, но вглядываться в саму форму, которая поистине есть форма, а не образ, и которая есть само бытие, и из которой есть бытие; ибо ведь все бытие есть из формы*⁵.

Выражение *forma nec imago est, et quae esse ipsum est, et ex qua esse est, omne namque esse ex forma est* получило традиционный метафизический перевод. Но если здесь, как и в остальных рассматриваемых нами формулах, сокращается связка «*est*», оно становится автонимичным: форма «есть», которая – бытие самого «есть», из которой – «бытие есть»; ибо ведь все «быть» – из формы «есть».

Этот подтекстовый или, скорее, метатекстовый уровень смысла относится к философии языка: «*est*» – это причина «*esse*», это не просто форма третьего лица единственного числа одного из множества глаголов, а глагол как таковой, который подразумевается в каждом предложении, ибо любое глагольное сказуемое раскладывается на «есть» с причастием. Такая интерпретация связки опирается на текст Аристотеля. В десятой главе «Об истолковании» по поводу образования пар котрадикторных высказываний, говорится: «В [высказываниях], в которых “есть” не подходит, например в высказываниях [он] “здравствует”, [он] “ходит”, взятое таким образом слово имеет такое же значение, как если бы было добавлено «есть» [7. С. 103].

Проблема интерпретации связки «есть» в комментарии Боэция на «Об истолковании» попала в поле зрения современных отечественных исследователей. Были выявлены особенности боэциевского перевода упомянутой десятой главы: «Когда же “есть” присоединяется как третье, тогда противопоставления могут сказываться двояко. Я имею в виду, например, «человек есть справедливый»; [здесь] «есть», говорю я, составляет третью часть высказывания как имя или как глагол, ввиду чего получают четыре высказывания, из которых два относятся последовательно к утверждению и отрицанию как лишности, другие же два нет» [7. С. 103]. «Боэций выбирает выражение “*tertium adiacere*” (“присоединять третье”) для перевода греческого “*triton sungkeishai*”... Данный пункт можно прочесть как “*est tertium (adiacens praedicatur)*”, рассматривая “*adiacens praedicatur*” (“присоединяемое сказывается”) как перевод “*proskategorethei*”... Боэций употребляет “*adiacere*” в качестве “*sungkeisthai*” и “*tertium adiacens*” как “*triton sung-*

keimenon". Он читает "est" tertium adiacens praedicatur" как "est" (tertium adiacens) praedicatur» [8. С. 237]. Значит, намеренно или нет, Бозций переводит: «Когда же "est", третье присоединяемое, сказывается, тогда противопоставления могут сказываться двояко. Говорю же: "est justus homo", "est" третье, говорю я, присоединяется, как имя или глагол в высказывании»⁶.

Бозций постулирует бытие самого «есть» в теологическом трактате для того, чтобы задать форму образования высказывания о бже: *divina substantia sine materia forma est, atque ideo unum est, et id quod est*⁷.

Если мы остаемся в границах традиционного метафизического перевода, положение кажется темным. Западные исследователи задаются вопросом: как переводить среднего рода «unum» («atque ideo unum est»)? «Tisserand полагает, что речь идет о Едином: «и это потому, что она есть Единое» (elle est l'Un); Merle переводит: «она одна» (elle est une), как Steward и Rand («and is therefore one»). Лучший перевод был бы: «она сливается воедино» (elle ne fait qu'un). Действительно, Бозций не хочет сказать, что божественная субстанция есть Единое, но что она проста. Что обозначает «et est id quod est»? (У Миня «atque ideo unum est, et id quod est»). Отсылает ли выражение «id quod est» к «id quod est» седьмого положения De hebdomadibus? Говорится, что это правило предполагает, что «во всем, что просто unum est esse et id quod est» (Omne simplex, esse suum, et id quod est unum habet). Представлено ли в этом фрагменте различие между «esse» и «id quod est»? Merle переводит: «она одна и «то, что она есть»; Tisserand: «и она есть-то-что-она-есть»; Stewart et Rand: «и есть его собственная эссенция» [10. С. 198–199].

С точки зрения гипотезы об использовании автониимичного способа выражения предлагается параллельный перевод:

Но божественная субстанция без материи – форма «есть», и потому – одно «есть» и «то, что есть».

Мы получаем абстрактную форму теологического высказывания: (deus) est id quod est. Внешне она принимает вид «S est P», но «est» имеет не грамматическое, а лексическое значение, независимое от субъекта и предиката:

Что же не «есть» в силу этого и этого, но только лишь это «есть», то истинно «есть то, что есть», и «есть» – прекраснейшее и сильнейшее, ибо ни на что не опирается. Поэтому это – истинно одно, в котором нет составных частей, ничего нет в нем другого, кроме «того, что есть»; на самом деле, ведь и подлежащим не может стать: ведь его форма – «есть», а формы «быть» не могут служить подлежащими»⁸.

Теологическая конструкция не имеет субъекта. Она состоит из гипостазированной связки, которая принимает форму «есть бытие» и предиката, выражающего «то, что есть»:

Когда мы говорим: «Бог», хотя, как нам кажется, мы обозначаем, субстанцию, но так, чтобы она была по ту сторону субстанции (sit ultra substantiam); а когда говорим: «справедливый», хотя мы обозначаем его качество, но не как акциденцию, а так, чтобы оно было субстанцией и было бы по ту сторону субстанции (sit substantia, et ultra substantiam); ведь не одно – «есть», что «есть Бог», другое – что «есть справедливый», но то же – есть бытие бога, что справедливо»⁹.

Это еще одно из темных мест трактата. Выражению «sit ultra substantiam» Merle дает следующий перевод: субстанция в нем не является такой субстанцией, какую мы знаем, она суперсубстанциальна (elle est super-substantielle). Подобным образом переводят Steward и Rand: substance in Him is not really substantial, but super-substantial. Tisserand понимает несколько иначе: субстанция в бже не есть, собственно говоря, субстанция, но нечто сверх субстанции (un au-delà de la substance). [10. С. 191]. Наречие au-delà со значением «сверх, больше», но также и «за, по ту сторону; вне», является самым близким переводом латинского наречия ultra, которое также имеет значения превосходства и расположения «по ту сторону». Но если мы имеем дело с намеренным созданием двусмысленности, ultra рассматривается как употребляемый с аккузативом предлог: дальше, за, по ту сторону, за пределами.

Мы говорим: «Бог», а обозначаем то, что следует за ним в высказывании: «есть бытие» и субстанциальный предикат, «то, что есть». С точки зрения грамматики, приписываемые бже предикаты составляют именную часть сказуемого, поэтому из десяти категорий предикатов могут использоваться только имена, требующие существительного глагола esse (verbum substantivum). Это субстанция, «также качество и прочие, которые способны осуществляться, из которых интеллект пусть образуется как можно шире – они суть образцы, которые нужно подставить»¹⁰. «Deus» синтаксически ограничивает возможности подстановки: не все субстанциальные предикаты могут стоять в конструкции «deus est...». Структура теологического высказывания есть бытие того, что есть. Человек, например, не есть то, что есть, поскольку он есть душа, и есть тело, а не «одно есть» – тело или душа. Но человечность (humanitas), также как величие, сила, справедливость есть то, что есть. Высказывание с формой «deus est...» автоматически будет утверждать сверхсущностное бытие идей. Чтобы вложить в структуру этот смысл, Бозций имплицитно вводит правила построения теологического высказывания – это и составляет скрытый подтекст или, лучше сказать, метатекст трактата. За счет двусмысленности, порожденной сокращением связки и отсутствием кавычек, theologica приобретает собственное философское содержание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Idcirco stylum brevitate contrahō, et ex intimis sumpta philosophiae disciplinis novorum verborum significationibus velo; ut haec mihi tantum vobisque, si quando ad ea converteritis oculos, colloquantur; caeteros vero ita submovemus, ut qui capere intellectu nequiverint, ad ea etiam legenda videantur indigni [2. Col. 1249A].

² Pater, inquit, Deus, Filius Deus, Spiritus sanctus Deus; igitur Pater, Filius, Spiritus sanctus unus, non tres Dii [2. Col. 1249C].

³ Idem vero dicitur tribus modis: aut genere, ut idem homo quod equus, quia his idem genus, ut animal; vel specie, ut idem Cato quod Cicero, quia eadem species ut homo; vel numero, ut Tullius et Cicero, quia unus est numero [2. Col. 1249D].

⁴ Age igitur ingrediamur et unumquodque ut intelligi atque capi potest dispiciamus: nam, sicut optime dictum videtur, eruditi est hominis unumquodque ut ipsum est, ita de eo fidem capere tentare. Nam cum tres sint speculativae partes... [2. Col. 1250B].

⁵ In naturalibus igitur rationaliter, in mathematicis disciplinaliter, in divinis intellectualiter versari oportebit, neque diduci ad imaginationes, sed potius ipsam inspicere formam, quae vere forma nec imago est, et quae esse ipsum est, et ex qua esse est; omne namque esse ex forma est [2. Col. 1250B].

⁶ Quando autem est tertium, adjacens praedicatur, dupliciter tunc dicuntur oppositiones. Dico autem, ut est justus homo est, tertium dico adjacere nomen vel verbum in affirmatione [9. Col. 0343A].

⁷ Sed divina substantia sine materia forma est, atque ideo unum est, et id quod est [2. Col. 1250C].

⁸ Quod vero non est ex hoc atque hoc, sed tantum est hoc, illud vere est id quod est; et est pulcherrimum fortissimumque, quia nullo nititur. Quocirca hoc vere unum, in quo nullus numerus, nullum in eo aliud praeterquam id quod est, neque enim subjectum fieri potest: forma enim est, formae vero subjectae esse non possunt. [2. Coll. 1250B–1250C].

⁹ Nam cum dicimus Deus, substantiam quidem significare videmur, sed eam, quae sit ultra substantiam; cum vero justus, qualitatem quidem, sed non accidentem, sed eam quae sit substantia, et ultra substantiam; neque enim aliud est Deus quod est, aliud quod justus est, sed idem est esse Deo quod justo [2. Col. 1252B].

¹⁰ Item qualitas et caetera quae evenire queunt: quorum, ut amplior fiat intellectus, exempla subdenda sunt [2. Coll. 1252A–1252B].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tisserand A.* Pars theologica: logique et théologique chez Boèce. Paris, 2008. 480 p.
2. *Boethius.* Quomodo Trinitas Unus Deus Ac Non Tres Dii // Migne J.P. Patrologia Latina. Vol. 64. Paris, 1847. Coll. 1247–1256A.
3. *Бозций.* Комментарий к «Категориям» Аристотеля // Антология средневековой мысли: теология и философия европейского Средневековья: В 2 т. СПб., 2001. Т. 1. 539 с.
4. *Гак В.Г.* Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000. 832 с.
5. *Аристотель.* Метафизика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1976. Т. 1. 552 с.
6. *Бозций.* Комментарий к Порфирию, им самим переведенному // Бозций. Утешение философией и другие трактаты. М., 1990. 415 с.
7. *Аристотель.* Об истолковании // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1978. Т. 2. 687 с.
8. *Гусева М.А.* Об интерпретации связки «есть» в бозциевском комментарии на трактат Аристотеля «Об истолковании» // Логико-философские штудии-2: Сб. ст. / Под ред. С.И. Дудника, Я.А. Слинина. СПб., 2003. 490 с.
9. *Boethius.* In Librum Aristotelis De Interpretatione Libri Duo // Migne J.P. Patrologia Latina. Vol. 64. Paris, 1847. Coll. 0293–0640A.
10. *Alain de Libera.* L'onto-théo-logique de Boèce. Doctrine des catégories et théorie de la prédication dans le De Trinitate // Les Catégories et leur histoire. Paris, 2005. 400 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 27 апреля 2010 г.